

## УССУРИЙСКИЙ ДРЕВОЛАЗ В ОПАСНОСТИ

Уссурийская тайга – страна огромного биоразнообразия, удивительных контрастов, редких, эндемичных и ценных видов животных и растений. Есть в этой стране свои неотъемлемые, только ей присущие, яркие символы. Это, прежде всего: амурский тигр (амба), дальневосточный леопард (барс), пятнистый олень (олень-цветок), женишень настоящий (панцуй). Среди них и белогрудый медведь (белогрудка), называемый также гималайским, уссурийским и чёрным медведем.

Каждый из уссурийских символов неповторим и уникален. Что же особенного в этом косолапом? Оказывается, многое. Прежде всего, у него замечательная внешность. Достаточно стройная для медведя форма тела; хорошо развитый пояс передних конечностей; крупные, торчащие в стороны раструбы-уши; оттопыренные пучки длинной шерсти по бокам головы; густая блестяще-чёрная шерсть и, наконец, белые подбородок и отметина на груди в виде силуэта птицы с распростёртыми крыльями – вот отличительные признаки нашего уссурийского красавца. Интересен образ жизни белогрудого медведя. В способности к лазанию по деревьям, он превзошёл всех других крупных представителей нашей фауны. На деревьях этот зверь проводит значительную часть времени: здесь он кормится, отдыхает, спасается от хищников и даже устраивает берлоги.

Все вышеупомянутые таёжные символы находятся под пристальным вниманием науки и общественности, в особенности амурский тигр и, в последнее время, леопард. Для их охраны разработаны стратегии и созданы специальные оперативные группы. Белогрудый же медведь такого внимания пока не удостоен. Тем не менее, предпосылки к тревоге за его судьбу уже сейчас имеются. Мало того, эта тревожная тенденция прогрессирует.

Область распространения подвида невелика и ограничена зоной кедрово-широколиственных лесов юга Дальнего Востока, северо-восточных провинций Китая и, в незначительной степени, Северной Кореи. В Приморском крае сосредоточен костяк популяции, её последняя надежда и оплот. Достоверные сведения о состоянии популяции медведей в крае отсутствуют уже много лет. Специализированные медвежьи учёты – дело весьма сложное и дорогостоящее. Поэтому, несмотря на то, что необходимость в оценке ресурсов гималайского медведя назрела давно, их численность остаётся загадкой. Тем не менее, кое-что все же известно достоверно. Во-первых, площадь пригодных для этих животных местообитаний в крае постоянно сокращается. Виной тому интенсивные рубки лесов и пожары, в меньшей степени различные типы освоения и заселения территории человеком. Во-вторых, наблюдается тенденция к расчленению ареала. В результате формируются мелкие нежизнеспособные группировки животных, пространственно разделённые между собой. Всё это, наряду с прямым преследованием и уничтожением белогрудых медведей человеком, не может благоприятно сказываться на состоянии популяции этих животных, их численность неуклонно сокращается.

Последние 5 лет на Дальнем Востоке медведи (белогрудый и, в несколько меньшей степени, бурый) подверглись массированному избиению. Причина ни для кого не секрет. Наши многочисленные соседи – китайцы нуждаются в медвежьих продуктах, дабы быть здоровыми и вкусно есть. Медведям не повезло дважды. Их желчь высоко ценится в медицине, а лапы в восточной кухне, как изысканный деликатес. Спрос на дериваты в странах Юго-Восточной Азии неограничен и готов удовлетворить любые предложения. При наличии отработанных контрабандных каналов легко выстраивается вся цепочка, соединяющая спрос и предложения.

Каждый охотник, будь он профессионал, любитель или просто браконьер, прекрасно осведомлён, сколько он может заработать на желчи и лапах медведя, если ему представится возможность такового добыть. Один грамм желчи можно продать за 2,5-3,5 долларов за грамм, 1 кг лап стоит от 500 до 1100 рублей в зависимости от общего веса, сезона и района. В среднем желчь белогрудого медведя весит 30 гр., а комплект лап около 4 кг. Нетрудно подсчитать, что

за одного убитого гималайца добытчик получит около 4-5 тысяч рублей, за бурого медведя несколько больше. Эта цифра не случайная, а тщательно продуманная. Это та минимальная сумма, за которую, небалованный деньгами охотник, будет подвергать себя риску при охоте на медведя и последующей канители с вывозом и сбытом продукта. В данном случае реальная стоимость товара гораздо выше.

Знает охотник и кому предложить товар. В каждом районе свои скупщики, знающие толк не только в медведях, но и в других ценных и редких животных и растениях: тиграх, кабарге, пушных зверьках, черепахах, лягушках, трепангах, женьшене. В недалёком прошлом дериваты у населения скупали сами китайцы, сейчас же большинство специалистов подобного рода – доморощенные “барыги”. Скупщики являются посредниками между охотниками и лицами, организующими переправу товара через российско-китайскую границу. Роль “перевалочных баз” выполняют города Уссурийск и Хабаровск. Дело организовано серьёзно и с большим размахом. Несмотря на то, что таможенные органы ежегодно конфискуют десятки килограммов медвежьих лап и желчи, всё же большая часть контрабандного товара доходит до потребителя в Китае и на Корейском полуострове.

Многие охотники не упускают случая застрелить зверя при случайной встрече, но большинство белогрудых медведей добываются в результате их целенаправленного поиска. Весной и летом медведей добыть нелегко, поэтому охотничий пресс на них в эти сезоны минимальный. Лишь отдельные браконьеры ставят петли и капканы у мясной привады или на проходных тропах. В такие ловушки может попасть не только медведь, но и тигр или, что хуже всего, человек. В августе возможен и другой способ добычи. К этому времени в лесу созревают плоды дикой черёмухи и вишни, которые очень любят медведи. Животные кормятся на деревьях, где с треском ломают ветви. Медведи увлекаются и нередко подпускают к себе человека на расстояние верного выстрела.

Осенью охота с подхода бывает очень результативной в дубовых лесах. Всё зависит от урожайности дуба. Жёлудь, как правило, урождается неравномерно. В отдельные годы его практически нет нигде, кроме локальных, небольших по площади участков. Если, к тому же, год оказывается неблагоприятным в отношении продуктивности кедровых орехов, то белогрудые и бурые медведи концентрируются на тех, ограниченных территориях, где есть урожай желудя. Животные стекаются с больших площадей и образуют скопления. Такая ситуация для медведей оказывается крайне неблагоприятной. Причиной тому – не конкурентные взаимоотношения животных в местах концентрации или другие естественные причины, а массированный браконьерский пресс. О подобных урочищах становится известно всем заинтересованным лицам, как только медведь начинает “ломать дуб”. Белогрудки страдают в первую очередь, поскольку только они кормятся в кронах деревьев. Их губит излишний шум, издаваемый ими. Описанные условия позволяют опытному охотнику убивать в день по несколько медведей. Это наиболее простой способ добычи. В отдельные годы он наносит значительный ущерб популяции гималайских медведей.

Известен вопиющий случай истребления медведей варварским способом китайскими гражданами на российской территории, вблизи государственной границы. На крупном солонце петлями отлавливались олени. Их трупы браконьеры использовали в качестве привады на медведей. Медведи следовали на запах протухшего мяса через специально обустроенные направляющие проходы, где их ждала смертельная опасность – трос, затягивающийся петлёй на шею.

Нет покоя косялапым и в берлогах. Белогрудые медведи предпочитают устраиваться на зиму в дуплах деревьев. В период залегания они ведут себя осторожно, стараются не оставлять следов, направляются к берлогу перед снегопадом. Не всем это удастся, и часть вытروпленных охотниками медведей до весны не доживает. Но преследование древолазов в берлогах на этом не заканчивается. Оказывается, знать, где именно лежит медведь, вовсе не обязательно. Достаточно проверять все подходящие для обустройства берлог пустотелые деревья. Этот метод наиболее циничен и безжалостен, а назвать его охотой не поворачивается язык. Обнаруженные животные расстреливаются, иногда прямо через стенки дупла. Гибнут

беременные самки, новорожденные медвежата. При извлечении трупов деревья спиливаются, либо в них прорубаются дырки. После каждой такой процедуры количество пригодных для обустройства берлог деревьев сокращается. В ряде районов действуют оборудованные оружием и бензопилами группы, специализирующиеся на данном способе убийства животных.

Гималайский медведь в настоящее время – зверь промысловый. Он представляет собой ценный охотничий трофей, товарными качествами обладают шкура, мясо, жир, желчь, лапы. К сожалению, подавляющая часть медведей, добытых законным и незаконным путями, используется нерационально. Как правило, медведям отрубают лапы и вырезают желчь. Остальная туша бросается на съедение падальщикам. Связано это с тем, что остальные части туши на экспорт не идут, а возиться с ними ради собственного потребления охотники не желают. Внутренний же рынок сбыта медвежьего мяса и жира отсутствует. Брошенные в тайге трупы животных представляют опасность. Они способствуют распространению трихинеллеза – заболевания диких и домашних животных, опасного для человека.

Большинство вышеописанных способов добычи медведей – незаконные. Официальные сроки охоты в Приморском крае ограничиваются берложным сезоном, что с точки зрения охотничьей этики недопустимо. Зима для медведей период деторождения. По сути дела правила охоты “дают добро” на уничтожение новорожденных детёнышей, подрывая тем самым воспроизводственный потенциал популяции. В случае с бурым медведем охоту на берлогах можно оправдать тем, что она с давних времён в России была традиционной. С гималайцем дело обстоит иначе, а сам процесс более походит на расстрел, чем на охоту.

Страшно то, что отдельные добытчики считают удачей убить в берлоге самку с новорожденными. Уцелевших медвежат, недавно родившихся в берлоге, стараются сохранить живыми, поскольку их можно выгодно продать. Судьбе выживших медвежат не позавидуешь. Нелегально переправленные через границу, они попадают на специализированные фермы в Китае. Там им вставляют трубку в желчный пузырь, откуда регулярно откачивают желчь. Чтобы представить масштабы этой торговли, достаточно вспомнить случай, произошедший весной 2002 г., когда на границе была пресечена попытка вывоза в Китай 18 детёнышей белогрудого медведя. Именно так относятся у нас к одному из символов уссурийской тайги.

Серьёзность ситуации с ресурсами белогрудого медведя очевидна. Несмотря на это, адекватных мер по сохранению его популяции, принимается недостаточно. В 1984 г. по рекомендации дальневосточных учёных белогрудый медведь был включен в Красную книгу СССР, как редкий, сокращающийся в численности вид, узкоареальный эндемик Дальнего Востока. С тех пор зверь не стал менее редким, а численность и ареал продолжают сокращаться. Тем не менее, не известно по чьей инициативе и сообразуясь с какими принципами в 1997 г. белогрудый медведь был исключён из краснокнижного списка страны. Известный специалист по медведям, директор Российского отделения Всемирного Фонда Дикой Природы И. Е. Честин, так прокомментировал данное событие: “Я считаю, что недопустимо девальвировать Красную книгу” (Зов тайги, № 3-4, 1998, с. 13). Неужели животное нужно довести до грани истребления для того, чтобы о нём беспокоились и начали охранять? Возможно, из Москвы виднее.

Относительно благополучная ситуация с белогрудым медведем наблюдается только на особо охраняемых территориях. Здесь же сосредоточены основные исследования вида и предпринимаются меры по его сохранению. Так, в заповеднике «Уссурийский» функционирует стационар по реабилитации и возвращению в природу осиротевших по вине человека медвежат. В Сихотэ-Алинском заповеднике ведутся работы по изучению медведей методом радиотелеметрии. В Лазовском заповеднике начата программа по восстановлению повреждённых охотниками берлог многоразового использования по методу, разработанному В. Е. Костоглодом.

Вне охраняемых территорий дела обстоят несравненно хуже. Масштабы браконьерского отстрела несопоставимы с допустимым пределом изъятия особей. Охрана угодий осуществляется не на должном уровне. Существующее положение вещей в дальнейшем может представлять угрозу для существования уссурийского подвида гималайского медведя.

Хочется верить, что совместными усилиями мы не допустим беды, и символ нашей тайги будет занимать свою естественную экологическую нишу, а не красоваться в виде памятников, как это имеет место в Южной Корее, где некогда он был уничтожен.

В настоящее время охоту на медведя целесообразно если не запретить, то, по крайней мере, пересмотреть её сроки и правила. С точки зрения охотничьей этики недопустимо отстреливать белогрудых медведей в берложный период. Альтернативой может служить осенняя охота во время наживровки животных. Наиболее действенной мерой охраны медведей может служить ужесточение мер наказания для скупщиков и непримиримая с ними борьба. Нужны ли нам открытые границы, если российская таможня не в состоянии эффективно противодействовать контрабанде дериватов?

Хочется верить, что наступит для белогрудых медведей белая полоса. В наших силах поразмыслить и понять, что они не заслуживают участи быть уничтоженными из-за гастрономических пристрастий, пусть и дружеского нам народа. Мы должны остановить этот процесс. Для этого не требуется сверхъестественных усилий. Достаточно каждому таёжнику выполнять непреложные правила: не убивать медведей ради отдельных частей и не трогать их во время деторождения, то есть в берложный период. Давайте не будем тревожить косолапых, хотя бы в берлогах, им зимой и без того не легко. Судьба белогрудого медведя – это судьба уссурийской тайги, это судьба нашего замечательного края. Давайте не будем об этом забывать. Давайте сохраним это богатство.